

МАША ТРАУБ

Любовь
со странностями
и без

Маша Трауб

**Любовь со странностями
и без (сборник)**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Трауб М.

Любовь со странностями и без (сборник) / М. Трауб — «Эксмо»,
2018

ISBN 978-5-04-096518-2

Любовь – это всегда пелена на глазах. Совсем тонкая, как шелк. Но мне казалось, что мешковина или брезент лучше защищают чувства. Чтобы не видеть и не слышать ничего вокруг, кроме себя и того состояния, которое принято называть любовью. Маша Трауб

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096518-2

© Трауб М., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пелена на глазах	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Маша Трауб
Любовь со странностями и без

© Трауб М., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пелена на глазах

Ксения совершенно неожиданно для себя стала бабушкой. Ее единственный сын Кирилл скоропалительно женился и столь же скоропалительно сделался отцом. Ксения даже глазом моргнуть не успела и чувствовала себя немного виноватой за такую невнимательность. Пока сын, как говорили раньше, «женихался», у нее развивался собственный роман. Она считала, что имеет на это полное право. Отец Кирилла, первый и единственный муж Ксении, Алик, то есть Александр, к этому времени уже был женат третьим – естественно, счастливым – браком.

Помимо Кирилла, у Алика имелись дочь от второго брака и две дочери от третьего. Алик часто звонил Ксении и сообщал обо всех переменах в своей жизни. Особенно он гордился тем, что со всеми «бывшими» остался в хороших отношениях. Ксения равнодушно напоминала, что залог его хороших отношений со второй женой – вовремя выплаченные алименты и быстрое замужество жены номер два. А залог хороших отношений с супругницей номер три – ее очень органичная, нутряная тупость.

- Ладно, ты права, как всегда, – смеялся Алик. – Но ты-то мне дружан!
- Алик, я так не хочу быть твоим дружаном. Я хочу денег и быть тупой.
- Вот за это я тебя и люблю. Ты не как все бабы.
- Алик, я хочу быть как все бабы. Понимаешь? И не хочу знать про твою личную жизнь.
- Никто не поймет меня так, как ты.

В этом Алик был прав. Ксения знала его лучше, чем себя. Они были даже не родственниками, даже не братом с сестрой, выросшими в одной комнате, а однояйцевыми близнецами, которые чувствуют друг друга на расстоянии и заболевают одновременно. Плюс Кирилл. Плюс Дина Самуиловна, бывшая свекровь. Это даже не путы, которые не разорвешь, – это строительный герметик. Герметик на верность.

Ксения, которую Алик приглашал и на вторую свадьбу, и на третью как «близкого и родного человека», удивлялась выбору бывшего мужа. Вторая жена, Вера. Стерва, но умная, своего не упустит, губы узкие, в ниточку, но фигура, грудь (Алик говорил «сиськи» и ржал, как подросток в пубертате). Непонятно, зачем ей раздолбай Алик понадобился. При внушительном бюсте у Веры был противный голос. Даже не писклявый. Трудно описать. На ультразвуке. Как будто она все время дует в свисток, с которым дельфинов тренируют мячик носом подбрасывать. Вот странно – Вера – мягкая блондинка, вся такая пампушечка-душечка, если не смотреть на узкие губы. И голос у нее подразумевался низкий, грудной, чуть с хрипотцой. И тут вдруг Вера открывала рот, и все. Как говорил Алик, который признавал такой недостаток за женой, «туши свет, бросай гранату». Алик вообще любил рассказывать пошлые анекдоты, над которыми сам и смеялся, и пользовался лексикой, которую современная молодежь не знала и не понимала.

– Алик, ты молодиться пытаешься? Ты уже дядька с пузом, а разговариваешь как прыщавый юнец. Даже Кирилл так не выражается. И никто не выражается. Ты застрял в песочнице советских времен, – злилась Ксения.

- Да ладно тебе. Хочешь, анекдот расскажу?
- Нет.

Анекдоты у Алика тоже были с бородой, причем длинной.

Вера держала Алика в ежовых рукавицах. Он отчитывался поминутно – когда и куда пошел, когда вернется. Вера любила образцовый порядок, отчет по счетам и зарплатной карточке мужа. Ксения так и ждала, что Вера и на нее как-нибудь рявкнет, причем по-немецки: дисциплинен, ахтунг, кирхе! Исполнять!

Видимо, Алику потребовалась «жесткая рука», дисциплина, и он бы ее нарушал, а Вера его наказывала. Иначе Ксения не могла объяснить столь странный союз. Впрочем, их брак ока-

зался скоротечным – всего два года, за которые Вера успела родить ребенка, завести любовника и выйти за любовника замуж, когда еще не просохли чернила на штампе о разводе. Новый муж оказался военным. Вера получила что хотела: возможность командовать парадом и муштровать домашних на семейном плацу. Ее новому мужу это тоже нравилось. Сказать, что Алик страдал? Нет. Он наслаждался свободой, неожиданно-негаданно вырвавшись с короткого жесткого поводка.

Но Вера хотя бы пыталась наладить отношения с Ксенией. Была вежливой и не устраивала скандалов, если Алик общался с «бывшей», что с ним случалось, мягко говоря, часто. Алик, еще со студенческих лет приученный звонить раз в день маме, звонил и Ксении. Каждый день.

– Алик, – умоляла Ксения в то время, когда тот еще пребывал в счастливой стадии брака с Верой. – Оставь меня в покое наконец.

– А с кем мне разговаривать? – смеялся Алик.

– Найди себе женщину, с которой ты сможешь поговорить. И я не приеду к тебе на день рождения.

– Почему?

– У меня от голоса твоей жены начинается головная боль.

– А я тебе сразу налью!

– Алик, я столько не выпью! Как ты вообще с ней живешь? Ты что, глухой?

– Я привык. Человек ко всему привыкает, – продолжал смеяться Алик. – Хотя да, ты права, у меня тоже болит. Представляешь, как смешно. Не жена отказывается от секса под предлогом головной боли, а муж, причем реальной боли! Приезжай! Я в коридоре выдам тебе беруши!

* * *

Алик всегда был легким. Мог насмешить до колик в животе. Ксения поэтому и влюбилась в него на первом курсе. У Алика было семь пятниц на неделе и двести пятьдесят планов на вечер. Он мог забыть о назначенном свидании, а потом повести на крышу пить шампанское. С ним было легко жить, легко есть, легко смеяться. За юмор, в том числе умение посмеяться над собой, Ксения прощала Алику многое. Анекдоты и пошлые шуточки предназначались для других – для компаний, друзей, знакомых. Алик вне пубрики был умным, тонким и нежным. К тому же обожал, до истерики любил свою маму – Дину Самуиловну. А Ксения влюбилась в Дину Самуиловну с первого взгляда. И еще вопрос: вышла бы она замуж за Алика, не будь такого щедрого бонуса – свекрови. Когда они развелись, Алик объявил:

– Я знаю, какую причину нужно указать в исковом заявлении!

– И какую же?

– Ты любила мою маму больше, чем меня! – расхохотался он.

И это было правдой. Ксения любила свекровь, искренне, как любят близкого, дорогого человека. Дина Самуиловна осталась в ее жизни и стала некой константой. Поэтому Ксения не могла позволить себе многое, в том числе выйти замуж. Любовники у нее появлялись, но они не были достойны Дины Самуиловны. Ксения всегда представляла себе – вот приведет она кандидата к бывшей свекрови, и что та скажет? А не привести Ксения не могла. Дина Самуиловна была для нее внутренним радаром, совестью, лучшей подругой, наперсницей и лекарством от депрессии. Вот только сейчас Ксения встретила мужчину, которого по привычке примерила к бывшей свекрови. И он подходил. Дина Самуиловна одобрила бы Сергея. Ксения уже думала, как организовать встречу, ужин – и тут вдруг новость. Нет, не так. Сначала Ксения отложила собственные личные планы из-за женитьбы Кирилла, а вот новость о том, что он скоро станет отцом, как признавалась она сама себе, потрясла. Ксения решила дожидаться

«спокойного времени», думая при этом: «Интересно, а оно наступит это спокойное время и пресловутый подходящий момент?»

Никогда в ее жизни не было ни того ни другого. Ни разу. Ей часто не хватало легкости Алика. Конфликты? Даже их Алик разрешал без особого напряжения.

У Веры после второго счастливого замужества появилась идея, чтобы новый муж удочерил маленькую Алису. Новый муж, Геннадий, не возражал. Вера позвонила Алику и пригласила на переговоры. Естественно, Алик отлично выпил и посидел с Геннадием и при расставании называл его Генкой. Тот ржал над Аликовыми тупыми анекдотами и считал его отличным парнем. Они планировали совместную рыбалку, хотя Алик в жизни не держал в руках удочки. Конечно, Алису никто не стал удочерять, а Генка заверил, что Алика всегда будут рады видеть в их доме. Даже зазывал в баню в ближайшие выходные. Вера, возможно, была недовольна исходом дела, но вида не показала.

– Вот как ему это удастся? – спросила Ксения у Дины Самуиловны.

Ксения, которая была в курсе планов Веры, очень переживала за Алика. Если бы Вера надавила, он бы уступил. Алик был мягким, с женщинами не спорил. Но предложение Веры стало для него ударом. Так думала Ксения. Алик хоть и пытался шутить, но выходило не смешно.

– Что мне делать? – спросил он у Ксении.

– А ты хочешь, чтобы твоя дочь считала отцом другого человека? – уточнила Ксения.

– Я понимаю Веру. Геннадий – он ведь с Алисой. Постоянно. А я не пойми где.

– Так ты согласишься?

– Не знаю.

Ксения тогда переживала и не знала, чем помочь Алику. Какой дать совет.

– Ну что ты так волнуешься? – удивилась бывшая свекровь. – Ничего не произойдет.

– С чего вы так решили?

– Ну если я что-то понимаю в жизни, то готовность нового мужа взять на себя ответственность за чужого ребенка совершенно не означает, что он именно так и поступит. К тому же, если я немного разобралась в Вере, она родит своему новому мужу общего ребенка. И сделает это как можно скорее.

– Почему вы не скажете об этом Алику? Мне кажется, он и вправду очень переживает и совершенно не хочет, чтобы Геннадий удочерил Алису.

– Он меня не спрашивал, – пожала плечами Дина Самуиловна.

Ксения, узнав, что Алик подружился с Геннадием, восхитилась бывшим мужем. Какой он молодец. И все – ради дочки.

– Ты, как всегда, его идеализируешь, – хмыкнула Дина Самуиловна. – Не приписывай ему своих качеств.

И опять она оказалась права: Алик редко видел Алису. И не сказать, чтобы очень скучал по ней. Вера вскоре родила сына и вопрос удочерения Алисы заглох сам собой.

* * *

Очень быстро после развода с Верой, слишком быстро, с точки зрения Ксении, Алик нашел себе Карину. Тут даже Ксения не нашлась что сказать. Карина была не просто дурой. Бывают такие дурочки, но при этом добрые. Новая избранница Алика оказалась непроходимой дурищей. Мозга вообще не наблюдалось. Едва Карина открывала рот, Ксения принималась ждать, когда она его наконец закроет.

– Ксения, ты ее видела? Ты с ней общалась? Алик нашел в себе смелость нас познакомиться, – позвонила Дина Самуиловна. – Это же просто незамутненный рассудок. Стерильная

чистота в подкорке и отсутствие всяческих извилин! Гулкая тишина. Так бывает? Даже младенцы, как мне кажется, умнее. Они хотя бы кубики пытаются в пирамидку сложить.

Нет, Ксения не была снобом. Но все-таки у них с Аликом имелись общие интересы – книги, фильмы, музыка. Вера тоже была, как говорила Дина Самуиловна, «девушкой с приличным образованием». Карина же... Оказалось, у нее еще и пуленепробиваемая психика и всяческое отсутствие рефлексии. На шутки, юмор Карина вообще не реагировала – не понимала. У нее не бывало плохого настроения, она не страдала от противоречивых эмоций и чувств. Вообще не страдала. Алика она слушалась беспрекословно. На его загулы не реагировала. У нее всегда было одинаковое выражение лица – равнодушно-приветливое. Она делала долму, полностью погружаясь в процесс. Пока кипела вода в кастрюле, она стояла у плиты и смотрела, как кипит вода. Или как варится суп. Алик рассказывал об этом Ксении с нескрываемым восторгом. С не меньшим восторгом он рассказывал про пахлаву, которую, провозившись с полдня, Карина испекла специально для него. Дина Самуиловна на сей раз ошиблась – Карина очень хорошо умела собирать кубики. И складывать их в пирамидку семейной жизни. Она делала это куда лучше, чем Ксения и Вера.

Чем Карина привлекла Алика? Она была на двадцать лет его моложе. С тупой прямоотой серьезно объявила, что надо жениться, и Алик пошел жениться, то ли обалдев от такой прямоты, то ли подсев на жирное и сладкое. Карина немедленно забеременела, а потом еще раз. Девочки-погодки. Но вскоре нашлась тема, которая выводила ее из равновесия – разговоры о сыне. Карина хотела родить Алику сына и очень боялась, что опять будет дочка. Она была готова рожать до победного результата. И вряд ли задавалась вопросом, готов ли к этому Алик.

Алик, с которым и Ксения, и Вера обсуждали все планы, в том числе по поводу продолжения рода, в этом случае был поставлен перед фактом. И в первый, и во второй раз.

– Может, с тобой так и надо? – пыталась шутить Ксения, когда бывший муж звонил и сообщал, что Карина забеременела, родила и снова забеременела.

Карина совершенно серьезно на крестинах второй дочери сказала Ксении:

– Вы родили себе мальчика, и я себе рожу.

– Я вообще-то не себе рожала, – ответила Ксения.

Карина ее не поняла. Помолчала и вдруг спросила:

– А почему вы здесь?

– Что?

– Это же неприлично. Почему вы пришли на крестины? И почему Алик вам звонит? Вы же его бывшая жена.

– Мы, как бы это сказать, остались близкими людьми. Алик хотел, чтобы я пришла.

– Вы же развелись.

– Ну да. И что?

– Тогда почему вы общаетесь?

– Потому что у нас общие интересы.

– Какие?

– Сын.

Это, конечно, был запрещенный прием. Карина сразу сникла. Она, видимо, выстроила у себя в голове систему гарема – у кого из жен есть сын, та и главная, любимая, жена. Карина ревновала мужа к Ксении и считала, что все это из-за того, что она не может родить сына. У Ксении от Алика один сын? Значит, у нее должно быть два. Нет, три. Веру, как мать еще одной девочки, Карина во внимание не принимала.

Алик все же быстро утомился и начал сбегать от молодой ненасытной жены, которая жаждала зачать и родить наследника.

Карина, опять же следуя правилам гарема, Ксению терпела как «главную жену». Как-то Алик попросил привезти книги – половина его библиотеки хранилась у матери, половина у Ксении. «Так надежнее», – смеялся он.

– Давай ты сам заедешь, заберешь. Я боюсь твою Карину. Вдруг она меня отравит?

– Слушай, она странная стала. Я сам ее уже боюсь. Поговори с ней, что ли. Ну по-женски. С ней что-то происходит. Она даже плакать начала. Никогда ведь не плакала.

– Алик, почему я? Почему я должна вести душевспасительные беседы с твоей женой? Отправь ее к психотерапевту! Сам с ней поговори, в конце концов. Ты же ее муж. И она, кстати, права. Мы развелись. Почему я не могу от тебя избавиться? Почему ты вообще звонишь мне?

– Ксю, да ладно тебе. Ну пожалуйста. Не маме же мне звонить.

– А что? Прекрасная идея. Позвони Дине Самуиловне. Она быстро приведет твою жену в психическую норму. И не называй меня Ксю! Мы уже не в институте!

– Ксю, ну пожалуйста! – канючил Алик. – Если я к тебе приеду, Карина мне скандал заттит.

– А она умеет закатывать скандалы?

– Нет, она просто молчит. Ходит и молчит.

– Алик! Ты редкий эгоист! Нет, ты просто эгоцентричный эгоистичный эгоист! Обо мне ты подумал? Я не хочу разговаривать с твоей женой. Нужна книга – приезжай и забирай. И вообще – заberi всю библиотеку. Может, твоя Карина читать научится. Лучшее средство от всех болезней, кстати. Дай ей Бунина почитать. Там, глядишь, до Пастернака доберетесь.

– А можно я у тебя пару дней поживу?

– Алик, ты меня вообще слышишь? Нельзя. Разбирайся сам со своими женами. Или позвони Вере. Она тоже бывшая.

– Уже.

– Что уже?

– С Генкой два дня бухал, пока Вера меня не выставила.

– И правильно сделала.

– Так я приеду? Вообще-то, я уже приехал. Поднимаюсь.

– Алик!

Он уже звонил в дверь. Так было всегда.

* * *

Ксения оставила Алика в квартире и поехала к Карине, чтобы та, не дай бог, чего не подумала. Ксения хотела наконец объяснить, что не претендует на бывшего мужа, что сама мечтает от него отвязаться, но вот такая сложилась ситуация. Карина предложила ей кофе и извинилась – нужно пропылесосить квартиру к возвращению мужа.

– А вы вообще знаете, где он? – спросила Ксения.

– Нет. У него дела, – спокойно ответила Карина.

– И вы у него не спрашиваете, какие дела?

– Нет. Разве нужно?

Карина пылесосила, а Ксения смотрела, как она это делает.

Карина водила по углам трубой от пылесоса. Рядом лежали насадки всех видов.

– А почему вы не пользуетесь насадками? – спросила Ксения, перекидывая пылесос.

– Что? Не знаю. Мне нравится смотреть, как пыль уходит в трубу.

Поскольку в трубу пылесоса был затянута один детский носок, заколка и ленточка, чего Карина даже не заметила, Ксения решила, что у жены номер три явное расстройство психики. Возможно, депрессия. Только непонятно – послеродовая или по поводу отсутствия долгожданного сына, а не дочери.

– Карина, у вас две замечательные девочки. Я была бы рада стать еще раз матерью. – Ксения решила сказать что-то приятное.

– Вы уже не можете, вам поздно. Вы же старая, – спокойно ответила Карина. Ксения чуть не поперхнулась. – А я могу. И рожу Алику сына.

– Конечно. Даже не сомневаюсь.

– Алик говорит, что вы умная. Но вы не умная. Разве можно было отдавать своего мужчину? Вы одна. А у Алика новая семья. У вас никого нет. И родить вы не можете. Разве вы умная? Вы хотите забрать Алика назад?

– Карина, мы с Аликом просто друзья, понимаете? У меня есть другой мужчина.

– А почему он на вас не женится?

– Потому что я не хочу. Нам и так хорошо вместе.

– Вы врете. Все хотят замуж. Он вас просто не зовет. Алика я вам не отдам.

– Конечно. Он ведь не вещь – отдал, забрал. Он и сам может уйти. Вам это в голову не приходило? Вы третья по счету жена.

Ксения ушла. Ей было больно. Какого черта она вообще согласилась поехать к Карине? Эта непроходимая дурища со своей прямой бабской логикой была права: у Ксении никого нет. Был Кирилл, но теперь он принадлежит другой женщине. Сын вырос слишком быстро. И да, она старая. Больше не родит. Не потому, что не может. Может. Многие рожают и после сорока. Ксения впервые осознала, что ей страшно. Страшно выходить замуж за Сергея. А если бы он захотел ребенка? Она бы не стала рожать. Потому что страшно. Столько знаешь, что испугаешься банального кашля у ребенка. Этой Карине не страшно, потому что у нее мозга нет – рожает как кошка. И кстати, Сергей действительно не звал Ксению замуж. Жить вместе предлагал. Но ведь это не замуж.

* * *

Ксения открыла дверь в надежде на то, что Алика в ее квартире уже не будет. У него ведь так и остался собственный ключ. А что бы случилось, если бы он приехал, когда у Ксении находился другой мужчина? Ничего. Алик бы немедленно пошел с ним выпивать и закусывать. Но Ксения всегда была одна. Она никого не приводила в дом, в котором они жили с Аликом, куда она приехала с маленьким Кирюшей. Даже Сергея. Это был дом Алика, Кирюши и Ксении, который они не могли, не имели права продать или разменять. Потому что в этих квадратных метрах заключалось их прошлое, прошлое их семей.

Ксении в наследство от бабушки осталась квартирka на окраине Москвы. Дина Самуиловна отдала им однушку – наследство покойного супруга. Эту квартиру они считали домом Кирилла, в который он однажды приведет жену. Или попросит разделить, разменять. Но Кирилл выбрал другой путь. Он переехал к жене и теще. Тоже не посмел тронуть семейную жилплощадь. Алик же снимал квартиру. Карина периодически заводила разговор о квартире, но он пресекал его на корню.

Ксения стала хранительницей ненужных вещей, семейной библиотеки и перевалочным пунктом. У нее не поднималась рука сделать ремонт в бывшей детской Кирилла и выбросить его тетрадки, игрушки, футбольный мяч и велосипед. Как не поднималась рука выбросить вещи Алика, его недописанный роман, почеркушки на салфетках студенческих времен, его рубашки, брюки и носки. Его гантели – недолгое увлечение, гитару и метрономы. Как не могла отдать в добрые руки детский столик и стульчик Кирюши, его эмалированную чашку с вишенкой и коллекцию марок, которая не представляла никакой ценности. Как ни за что бы не посмела продать старый бабушкин буфет, который скрипел, трещал и требовал реставрации. И пропахший лавандой комод, который Дина Самуиловна подарила ей на свадьбу, Ксения ни за что бы не сдвинула с места, которое выбрала свекровь.

Кирилл, как и Алик, иногда сбегал от семейной жизни к маме, сюда, в эту квартиру, где хранились его бритва, зубная щетка и комплект свежего белья.

Почему Ксения больше не вышла замуж? Не звали? Может, и позвали бы, но она не слышала, не хотела слышать. Ей было всего двадцать пять, когда она развелась с Аликом, и уж очень тяжело дался развод, о чем Алик так и не узнал. Даже не догадывался. Для Ксении он так и остался ее мужем. Как Дина Самуиловна осталась ее свекровью, эта квартира – единственным домом, а Кирилл – единственным сыном.

На развод Ксения с Аликом пришли как старые добрые друзья. Там же, на ступеньках, по-дружески напились и еще неделю провели вместе – отмечали развод в постели. Та неделя оказалась одной из лучших в жизни Ксении – они все время хохотали, гуляли по парку с Кирюшей, Алик готовил мясо, бегал в магазин и был идеальным мужем. Ксения тогда думала, что они так могут жить и дальше. В ту неделю они стали по-настоящему близки – Алик был заботливый, нежный, трепетный. Они больше напоминали молодоженов в медовый месяц, чем разведенную пару. Смотрели мультики с Кирюшей, съездили в Третьяковку, позвали к гостям Дину Самуиловну, чтобы сообщить ей новость о разводе, и хохотали как ненормальные. Они все время обнимались и целовались, держались за руки, как подростки. Наконец Дина Самуиловна поинтересовалась у Ксении, когда та расставляла чашки и резала торт:

– И что у вас случилось?

– Мы развелись. Пять дней назад, – призналась теперь уже бывшая невестка и расплакалась.

– Тогда все понятно. А то я даже нервничать начала, – хмыкнула Дина. – Ты чего-то ждешь?

– Нет. Не знаю. Мы еще даже Кирюше не сказали.

– И не надо. Для него ничего не изменится, уж поверь.

– А для меня?

– Ну если бы ты была моей дочерью, я бы запретила тебе выходить замуж за Алика. Сегодня он такой. А завтра?

А завтра у Алика уже появилась Вера, что для Ксении стало ударом. Она не ожидала, что это произойдет так быстро. Да и с чего бы? Ведь им было так хорошо в ту неделю.

Нет, Ксения не превратилась в сумасшедшую мамашу, которая жила ради сына. Романы могли бы случиться. Но, как только Ксения понимала, что ей придется знакомить Кирюшу с «новым другом мамы», она не могла переступить черту. Когда сын учился в первом классе, Ксения очень хотела замуж. Просто невыносимо хотела. До одури. Алик тогда звонил чуть ли не каждый день и рассказывал про свою новую жену. Он очень хотел познакомить Веру с Ксенией.

– Я не твоя мама, – отвечала Ксения, – почему я должна с ней знакомиться?

– Вера беременна. Я хочу, чтобы Кирюша знал, что у него появится сестра.

– А я хочу, чтобы ты мне не звонил.

– Ты чего, обиделась, что ли? – удивился Алик. – Ты же нормальная! Ты же умная!

– А ты познакомись с моим мужем?

– Каким мужем?

– Потенциальным.

– Ты не можешь выйти замуж. У тебя же Кирилл.

– У тебя тоже Кирилл.

– Ты шутишь? Ты не имеешь права. Поняла?

Ксения не обиделась. Она запретила себе обижаться, волноваться, переживать по поводу Алика.

И вот тогда она захотела замуж. За кого угодно. И ответила на ухаживания давнего коллеги. Коллега, правда, имел в анамнезе жену и ребенка.

– Ты на мне женишься? – спросила напрямую Ксения еще до того, как отношения перешли в заключительную стадию.

– Нет, я не могу бросить жену и ребенка, – ответил коллега.

– Ты их любишь?

– Ну конечно!

– Почему тогда изменяешь?

– Все изменяют.

Ксения позвонила Алику.

– Скажи, ты меня любишь? – спросила она.

– Ну конечно, Ксю. – Алик был нетрезв.

– А Кирюшу?

– Конечно!

– А почему ты нас бросил?

– Ксю, ты чего вдруг?

Ксения нажала отбой. Алик звонил утром, но Ксения не ответила.

Она пришла на праздник по случаю Восьмого марта в школе Кирилла. И сидела рядом с папой мальчика Илюши. Этот папа давно считался любимчиком мамского сообщества – приводит Илюшу в школу, забирает, всегда внимательный, терпеливый. Просто не отец, а подарок судьбы. И мама Илюши – такая красавица. Блондинка. Худая, ухоженная. Даже непонятно, чем папа занимается: все время проводит с ребенком – и на экскурсиях, и на всех мероприятиях, на всех собраниях. И просто удивительно – мама высокая блондинка, папа – тоже под два метра ростом, блондин. Даже бабушка – милая поджарая женщина, укладочка, маникюр. Все голубоглазые, жилистые, тонкокостные. А Илюша – толстый, темноволосый, темноглазый увалень. Картавит, заикается, на физре его дразнят. И в кого только? Может, в дедушку пошел?

Мероприятие закончилось, Илюша стоял в одиночестве, озираясь по сторонам.

– Илюш, а где твой папа? – спросила Ксения.

– Не знаю, далеко, – ответил мальчик.

– Как же далеко? Он же был на представлении.

– Это не папа, это друг мамы. А папа уехал. Далеко. Мама говорит, что он не вернется, а я знаю, что вернется.

Тогда Ксения решила не выходить замуж. Она не хотела, чтобы Кирюша ждал в школьном коридоре «друга мамы». Она не хотела, чтобы ее сын думал, что папа уехал, и верил, что он вернется, несмотря на то, что говорит мама.

Кирюша, уже Кирилл, вырос очень быстро. Ксения смотрела на сына и думала, что он очень рано стал взрослым, самостоятельным. Он всегда был беспроblemным ребенком – покладистым, мягким. Даже подростковый возраст они прошли как-то незаметно. Кирилла не тянуло в экстрим, он не хотел сделать тату по всему телу, не играл в рок-группе и вообще ничем особенным не занимался. Учился средне. Но, опять же, не до такой степени, чтобы Ксению отчитывали на родительских собраниях. Да и друзей у сына, можно сказать, и не набралось за все годы учебы. Разве что одноклассник Вадик, сосед по дому. Они с первого класса вместе. Только однажды, Кирилл уже в восьмом или девятом классе учился, решался вопрос о выборе профиля – гуманитарный или технический, Ксения спросила:

– Как там твой Вадик? Куда он решил?

– Он не мой, – буркнул Кирилл.

– Ну вы вроде бы друзья.

– Это ты решила, что мы друзья! Я вообще с ним не общался! – Кирилл вдруг закричал, и Ксения даже опешила.

– Хорошо. Я просто так спросила.

– Он еще в шестом классе перешел в спортшколу, – уже спокойно сказал Кирилл.

– Да, он ведь вроде в хоккей играл.

– В баскетбол. Он играл в баскетбол.

Ксения не знала, была ли у Кирилла первая или вторая любовь. Она не спрашивала, сын не рассказывал. Ксения думала, что нет. Во всяком случае, в школе. Кирилл не приглашал девушек в кино, не просил лишних карманных денег, не замирал с телефоном, если она заходила к нему в комнату. Если у него и случилась несчастная любовь, то Ксения этого тоже не заметила. Вроде бы в институте у Кирилла появилась какая-то Даша.

– Это твоя девушка? – спросила Ксения у сына.

– Нет, у нее можно взять лекции, – ответил Кирилл.

Поступив в университет на социологический факультет, Кирилл нисколько не поменял образ жизни. Он не участвовал в студенческих пирушках, не приходил домой пьяный, не водил друзей. Учился, опять же, средне, но не на грани вылета. Ксения одно время даже переживала – ее сын слишком уж... никакой. Середнячок. Не хулиган, не зануда-зубрила. Даже не что-то среднее, а... Как бы это сказать? Тень. Ничего выдающегося – ни в хорошем, ни в плохом смысле. Бледная тень ее и Алика. Они с Аликом такими не были. Гуляли напропалую, крутили роман, выясняли отношения, дома вообще не появлялись – оставались у друзей в общежитии. Ксения была звездой курса – отличница, умница. Алик – главный донжуан, рубаха-парень, заводила. Их пару знали все на факультете. У них была компания, которая готова была сорваться в любой момент куда угодно. Они могли уехать в Крым, в Ленинград – да все равно куда. Денег всегда не хватало. Алик пытался репетиторствовать. Ксения по ночам печатала чужие курсовые и дипломы. Заработанные копейки спускали на гулянки, не думая о завтрашнем дне. Им было весело. Они все время хохотали... А Кирилл уезжал в институт и возвращался домой. Запирался в комнате. Выходил только на кухню и в туалет.

– Слушай, я за него волнуюсь. – Ксения позвонила Алику. Она сама звонила бывшему мужу редко и только по делу. – У него никого нет. То есть я не знаю. Он все время дома. Как-то это странно.

– Да нормальный он! – рассмеялся Алик. – Сейчас нет, завтра будет.

– Это у тебя так. Кирилл не такой.

– Ну тогда женится на первой, с кем... Как бы это сказать, чтобы твой слух не обидеть... – Алик уже хохотал.

– Я серьезно. Ты можешь без своих скабрёзных шуточек?

– Разберется.

Ксения хотела сказать, что Кириллу даже разбираться не с чем, но не стала.

Она давно решила для себя, что не будет, не имеет права вмешиваться в личную жизнь сына. Не маленький. Действительно – разберется. Он больше понимает в жизни, чем многие в его возрасте, учитывая развод родителей, новую семью отца. Может, он просто не верит в любовь, не хочет верить – его собственные родители не сумели сохранить брак. Ксения отдавала себе отчет, что они не близки с сыном. Она не стала ему другом. Кирилл даже в детстве с ней не откровенничал, не делился тревогами и переживаниями. У него никогда не было любимой девочки в детском садике, которой бы он на Восьмое марта клал в шкафчик цветочек. В школе он никого не дергал за косички и не говорил, что влюблен в Машу, в которую были влюблены все мальчики в классе. У Кирилла не сложилось такой связи с Ксенией, как у Алика с Диной Самуиловной. Он всегда существовал отдельно, сам по себе. Ни мамин, ни папин. Свой собственный.

Ксения не знала, как вести себя иначе. Она сама в семнадцать лет уехала от родителей, вырвалась из Благовещенска, переехав к бабушке в ту самую квартирку на окраине Москвы (бабуля была не родной и даже не двоюродной, а вообще – седьмая вода на киселе). Бабулю Ксения полюбила, хотя до того никогда не видела, мерила ей давление, бегала за молоком, рассказывала об Алике и об успехах в институте. Родителям Ксения звонила по праздникам.

Никакой помощи она от них не ждала. Никаких бесед с матерью не вела. Даже на свадьбу ее родители приехать не смогли. Мать сказала, что дорого, отец болеет, остановиться негде, да и свадьба – некстати, не вовремя. Ксения помнила, что даже не обиделась. Приняла к сведению, только и всего. Бабуля ведь была рядом. Она вытащила из книжки «гробовые» деньги и отдала Ксении на платье. Потом переписала на Ксению квартиру и спокойно умерла во сне.

Ксения до одури любила сына, но боялась задушить, задавить его своей любовью. Особенно после развода. Она не хотела, чтобы Кирилл почувствовал перемены. Не хотела компенсировать уход отца всплеском материнской любви. Для мальчика, как она считала, очень важно в определенный момент разорвать пуповину, связывающую с матерью. Ксения боялась упустить этот момент. Но, как оказалось, упустила и все остальное. Сейчас она бы все сделала по-другому. Залюбила бы за двоих, за пятерых, прицепила бы к юбке и не отпускала. Во всяком случае, не в ту жизнь, которую он для себя выбрал. Кирилл ушел в другую семью и звонил матери по праздникам, хотя жил не в другом городе, а в другом районе.

Дина Самуиловна опять оказалась права – после развода родителей для Кирилла ничего не изменилось. Он видел отца эпизодически, обрывками, яркими вспышками. Хотя Алик стал уделять сыну больше внимания – забирал его в выходные дни: погулять, сходить в кино, в музей, в кафе. Ксения никогда не запрещала. Было ли ей больно? Было. Кирилл ей никогда ничего не рассказывал, зато рассказывал Алик. Звонил и отчитывался. Так Ксения узнавала, что Кирилл хорошо играет со своей сестрой и с удовольствием ест куриный суп, который варит Вера. Ксения не хотела, чтобы ее сын ел суп новой жены своего отца. Но и запретить не считала себя вправе. У Кирилла она никогда ничего не спрашивала. Боялась, что сорвется, наговорит лишнего, устроит скандал, и будет только хуже. Она не хотела услышать, что Кириллу нравится общаться с отцом, что его жена – нормальная, хорошо к нему относится, а сестра – прикольная.

Когда Алик развелся с Верой, Ксения ему сказала:

- Пожалуйста, не знакомь Кирилла со своими любовницами.
- И не собирался, – радостно воскликнул Алик.
- Ты хоть подумал о том, что твой сын может переживать... из-за всего этого?
- Да ладно, он уже взрослый.

– Он не взрослый. Он ребенок. Сначала его папа уходит к другой тете, потом эта тетя кормит его супом, потом он играет с ребенком, который считается его сестрой, а потом его всего этого лишают. Ты хоть соображаешь, что делаешь?

– У тебя всегда все сложно. Все так живут. Кириллу наплевать. Он занят собой. Как и все дети. Дети – эгоисты.

– Да, все так живут. А теперь и мы так живем, – сказала Ксения и заплакала.

Кирилл присутствовал на всех важных для отца событиях, от которых Ксения отказывалась под благовидными предлогами – свадьба с Кариной, дни рождения дочек, новых сестер. Ксения не знала, почему Кирилл принимает приглашения – не хочет обидеть отца? Не умеет говорить «нет»? Ему важно там находиться? Она покупала сыну костюм на очередное торжество. У Кирилла были слишком длинные руки и ноги, узкие плечи и бедра. В костюмах Кирилл выглядел совсем цыпленком, испуганным и несчастным. Он уже вошел в подростковый возраст и пытался диктовать свои требования к прическе. Пока сын был маленьким, Ксения отращивала ему кудри-локоны. Теперь он стригся все короче, но просил оставить волосы над ушами. Так Ксения догадалась, что сын страдает из-за формы ушей. К тому времени, когда Алик женился на Карине, Кирилл стал стричься почти под ноль, раздался в плечах, наплевал на форму ушей и стал ходить всюду в клетчатых рубашках разных цветов, надевая их поверх футболок. Все считали его сдержанным воспитанным мальчиком, не по годам взрослым. Кирилл и вправду научился молчать, кивать и вежливо бурчать себе под нос. Казалось, он спокойно, даже равнодушно воспринимал перемены в жизни отца. Алик радостно говорил, что сын в него – все понимает.

У Ксении сводило скулы от ярости. Если бы она могла запретить – запретила бы. Если бы могла запереть Кирилла дома – заперла бы. Если бы она могла вычеркнуть Алика из жизни и не разрешать ему видаться с сыном – она бы это сделала. Но ведь Ксения считалась такой умной, такой мудрой. Она не имела права ставить сына перед выбором – или она, или отец. Возможно, он выбрал бы отца. Ревновала ли она сына? Не то слово. Так, как никогда не ревновала Алика. Она не хотела, чтобы Кирилл знал о том, что его отец женится, заводит детей, разводится, снова женится и снова заводит детей. И очень завидовала Дине Самуиловне, которая на торжествах сына не появлялась.

– Почему она не хочет прийти? Поговори с ней! – звонил Алик Ксении.

– Даже не собираюсь. Это ее право. Если честно, я ее прекрасно понимаю, – жестко отвечала Ксения.

– Но я ее сын!

– Вот сам с ней и разговаривай.

– Она меня не слушает. А ты на нее имеешь влияние.

– Если твоя мама не хочет идти на твою очередную свадьбу, значит, это твоя проблема.

Ксения все-таки как-то спросила бывшую свекровь, почему та не желает видеть новых невесток и игнорирует семейные, так сказать, мероприятия.

– Зачем? Ну скажи мне, какой смысл? – ответила Дина Самуиловна. – Вот взять эту Веру. Теперь она мне никто, посторонний человек. И зачем бы я тратила на нее свое внимание? Мне тебя вполне хватает. И Кирилла. Мой сын очень похож на своего отца. Если бы я реагировала на каждую бабу своего мужа, то умерла бы раньше него. Знаешь, в чем мое преимущество? Я уже старая, больная, и я свекровь. А свекрови обязаны быть сволочами. Так что я такая анекдотическая свекровь. Надеюсь, ты станешь такой же.

– Кирилл другой. Он не похож на Алика.

– Да, Кирилл другой. Он ведомый. Женится на первой, кто его потащит в загс. У Алика хотя бы хватало смелости на развод. А Кирилл не разведется никогда. Вот увидишь.

– Лишь бы был счастлив.

– Ой, не смей меня. Кто когда был счастлив в браке? Ты, что ли? И сколько ваше с Аликом счастье продлилось? Недели две? Или он был счастлив с этой Верой? Умоляю тебя. Или с Кариной он счастлив? Нет. Брак, моя дорогая, никакого отношения к счастью не имеет.

– А что имеет?

– Роман на стороне, – хохотнула Дина Самуиловна. – Пусть короткое, но счастье.

– А вы изменяли своему мужу? – чуть не упала со стула Ксения.

– Да. У меня был роман. Но я его любила больше, чем он меня. Так что ничего не вышло.

Работа, квартира, репутация, ребенок...

– А он?

– У него тоже были жена, квартира, работа, репутация и ребенок. Сейчас с этим проще, тогда, казалось, невозможно. Я бы хотела рискнуть, готова была, а он оказался не способен. Испугался. Так что за минуты счастья я заплатила часами, нет, даже годами разочарования.

– Вы продолжали общаться?

– Да, редко. Поздравляли друг друга с праздниками. И я не понимала, как могла потерять из-за него голову. Обычный человек. Слабый, даже безвольный. Но хуже всего – он оказался трусом. Он просил меня поговорить со своей женой и убедить ее, что у нас ничего не было. Представляешь?

– И вы поговорили?

– Нет. Не смогла. Хотя он меня умолял. Я не смогла через себя переступить. Он потом плохо жил – жена его так и не простила. Пилила, доводила. Он терпел. Знаешь, Алик хотя бы не боится. Это важно для мужчины.

– То есть то, что он развелся со мной, вы считаете храбростью?

– В каком-то смысле – да. Он не трус. Но дурак. Был бы поумнее...

– Остался бы со мной?

– Не знаю. А вот ты не дура. Ты умная. И ты со мной.

– Я не умная. Я не хочу, чтобы Кирилл общался с новыми женами Алика. И не хочу, чтобы он общался с его новыми детьми. Ничего знать не желаю про этих Вер, Валь, Карин и прочих.

– Это понятно. Но ты добрая и любишь Алика. Любишь Кирилла, поэтому терпишь. А я не любила мужа, и Алика, если честно, тоже не любила, как положено любить матери. Нужно было родить ребенка, я родила. Вот и все. Я была отличной матерью, но у меня не рвало сердце, как рвет у тебя. В этом вся разница. Поэтому ты терпишь все, что устраивает тебе Алик, и идешь на компромиссы. А я не шла. Потому что не любила.

– Подождите, вы хотите сказать, что у вашего мужа были...

– Да, у него были не только любовницы, но и дети от этих любовниц. Я знаю о двоих. Мальчик и девочка.

– Как вы узнали?

– Я получила письмо от его пассии. Тогда же не было ваших социальных сетей. Обычное письмо, между прочим, с непозволительными грамматическими ошибками и вложенной в конверт фотографией мальчика. Он был копией моего мужа. Просто удивительное сходство.

– Чего хотела та женщина?

– Ничего. Просто ставила меня в известность.

– А вы?

– Выбросила письмо в мусорное ведро. Знаешь почему? Меня вывели из себя эти ошибки, сам почерк. Глупость, конечно, абсурд, но меня это поразило больше, чем новость о том, что у мужа внебрачный сын.

– А девочка?

– Про нее мне муж сам рассказал. Он хотел уйти. Я отпустила. Только он не ушел.

– Почему?

– Испугался, наверное. Не хотел лишаться привычного быта. Со мной ему было удобнее. А там все строить заново. Мужчины слабые. Если им предложить лучшие условия, хотя бы квартирные, они уйдут, не раздумывая. А менять удобства на конуру никто не хочет. Любовь проходит, а, извини меня, гадить хочется в хороший, чистый унитаз.

– Алику все равно, какой у него унитаз. Он его даже не заметит. А он знает, что у него есть... родственники? Получается, брат и сестра?

– Понятия не имею. Я не говорила. Может, его отец сказал, или Алик сам догадался.

– И вы не знаете, что с ними сейчас?

– Ну оба уже взрослые люди. А зачем мне знать?

– Мне сказать об этом Алику?

– Твое дело. Хочешь, говори, хочешь, нет. Меня это не касается.

– А они сами не проявлялись? На похоронах вашего мужа или после?

– Нет. Я, кажется, видела одну женщину на похоронах. Но она держалась, как бы это сказать... деликатно. Родственники ведь появляются тогда, когда им есть что взять. С меня взять было нечего. Это один вариант. А второй – мой муж выбирал женщин, не способных на громкий скандал и по-своему слабых. Я всегда была сильной. И не боялась. Да, наверное, муж это чувствовал. Я бы не пропала без него.

– А вам? Вам никогда не хотелось их увидеть? Не было по-женски любопытно?

– Нет, никогда. Мне хватало развлечений. От этого я, по счастью, могла себя избавить. И до сих пор вправе выбирать, кого я хочу видеть, а кого нет. Хотя, если бы Алик хотя бы раз устроил скандал, поговорил со мной, убедил, что его новая жена достойна уважения или хотя бы соблюдения приличий, я бы согласилась. Но Алик тоже отступает. Ему так проще.

Ксения задумалась. Может, такой эгоизм – это способ выжить? Сохранить рассудок? Не сходить каждый день с ума? Да, Дина Самуиловна была права – она любила Алика. Всегда. И не переставала любить. Не простила. И ревновала к Вере, к Карине и другим женщинам. С годами чувства не притупились. Менялись только объекты. Сначала Ксения ненавидела Веру, потом Карину. Алик был ее муж, ее мужчина и больше ничей. И она не понимала, как он мог с ней так поступить. Если бы Алик захотел вернуться, она бы его приняла. Хотя бы ради минутного счастья.

Ксения не позволяла себе закричать, наорать, высказать все, что думает. Сначала такая индифферентность давалась тяжело. Потом вошла в привычку. Ксения приучила себя не реагировать. Кирилл знал, что у мамы бывают мигрени – реакция на погоду. Ксения лежала с дикой головной болью в обнимку с ведром – ее рвало. Так было после звонка Алика с сообщением о втором браке. После его звонка о рождении дочери. После его развода и сообщения о новой женитьбе. Ксения не позволяла себе слез, криков, но организм реагировал – мигренью и рвотой. Тогда, во второй раз, когда появилась Карина, Кирилл вызывал Ксению «Скорую».

– Съела что-то, – ответила первая «Скорая» и уехала.

Ксению выкручивало так, что она уже ничего не видела, не слышала. Кирилл вызвал вторую «Скорую». И именно второй врач поставил диагноз – мигрень. Он вкатил ей коктейль из лекарств и ждал, когда они подействуют. Ксения кричала от боли. Этот врач задернул шторы и вкатил еще один укол. На тумбочке оставил телефон невропатолога.

– Вам нужно. Сами не справитесь, – сказал он.

– Справлюсь, – процедила Ксения.

Она справлялась. Научилась. Чувствовала приближение мигрени, задерживала шторы, ложилась в постель, укрывалась двумя пледами и глотала таблетки. Так случалось каждый раз после изменений в жизни Алика. Ксения называла это посттравматическим синдромом.

Развод с Верой Алик переживал с Ксенией. Это получилось само собой. Как всегда у Алика – легко. Он пришел, позвонив уже от подъезда, и остался. Ксения не смогла его выгнать. Кровать была одна. Маячила ли уже тогда на горизонте Карина, Ксения не знала.

Они прожили вместе полгода. Для Ксении – счастливых полгода. Ей было хорошо и спокойно. Кирюша был рад, что папа дома. Алик все время ее смешил, смотрел с Кириллом футбол, повтор голов. Они вместе ходили за продуктами, вместе готовили. Алик опять превратился в идеального мужа. Приезжала Дина Самуиловна, и они обедали все вместе, за одним столом – Ксения раскладывала парадную скатерть и салфетки. Ни разу за эти полгода у нее не было приступа. Даже голова не болела. Понимала ли она, что Алик уйдет? Да, понимала. Уговаривала себя – пусть хоть еще один день, но ее. Она будет наслаждаться этим днем. Сейчас хорошо – и ладно, с Аликом все равно бесполезно загадывать. Тогда Ксения часто вспоминала, как ходила беременная Кириллом. Все время с угрозой. Последние два месяца лежала на сохранении, и пожилая нянечка ей говорила: «Каждый день в плюс». Еще один день. И еще один. Алик тогда паниковал.

– Что ты будешь делать в больнице? – спрашивал он, будто шла речь о тюремном заключении.

– Читать, – отвечала Ксения.

– Ты сможешь ходить?

– Только до туалета.

Ксения прекрасно помнила, как всем ее соседкам по палате родственники носили еду, а ей Алик передавал книги. Над ней уже шутили даже нянечки.

– Ешь уже давай, а то от твоих только духовной пищи дождешься! – говорили они, выдавая дополнительную порцию картофельной запеканки или манной каши.

Ксения тогда перечитала все имевшиеся в домашней библиотеке собрания сочинений классиков.

Кирилл все равно родился недоношенным, но свои «дни» он взял. Вряд ли Алик помнил, как Ксении тяжело дался сын. И Вера, и Карина проскакали свои беременности без осложнений. Правда, Вера становилась активной, устраивая ремонт и прокладывая звукоизоляцию в детской комнате, а Карина впадала в апатию – молчала, улыбалась, могла положить сыр и колбасу вместо холодильника в хлебницу. Алик, как бы это сказать, не выстрадал своих детей. Когда в больнице лежала Ксения, к ней приходила Дина Самуиловна. Алик забегал, отдавал внизу, на посту, книги и бежал дальше. Дина Самуиловна сидела все положенные часы посещений. Девочки по палате думали, что она мама. Когда узнали, что свекровь, то дружно начали завидовать – какая хорошая женщина, какая внимательная, не то, что «наши». Но у тех девочек сидели мужья, приносили цветы, писали записки, звонили, знали диагнозы, спрашивали про анализы. Алик не вникал. Нет, Ксения не желала тяжелых беременностей ни Вере, ни Карине. Но как же ей хотелось, чтобы до Алика дошло, каково это – бояться каждый день. Считать каждый день.

Так было и потом, когда Алик вернулся к ней после развода с Верой. Ксения говорила себе «еще один день», «еще один». Она хотела насладиться спокойствием, банальным женским счастьем. Большого ей и не требовалось. Алику, как оказалось, всего этого оказалось мало. Но почему? Разве так бывает? Ведь им было так хорошо вместе. Разве может быть лучше?

Ксения, изучившая своего мужа вдоль и поперек, не заметила, как он стал отдаляться. Она не почувствовала. Карина, как выяснилось позже, появилась тогда, когда Алик еще жил с ней. Алик уходил от Ксении к Карине и возвращался. А потом ушел совсем. В новую жизнь, а ее оставил в обнимку с ведром.

У Ксении случился приступ. Она не слышала звонка от свекрови. Отключила мобильный телефон.

– Ну, и что ты себе позволяешь? – спросила Дина Самуиловна. – Мне пришлось ехать через всю Москву! Ты же знаешь, я не люблю, когда ты не отвечаешь на мои звонки. У меня богатое воображение! Я уже представила себе пожар, наводнение и прочие стихийные бедствия. И что я увидела? Тебя в таком состоянии! А если бы я не приехала?

– Все хорошо. Не стоило беспокоиться. Я вызову вам такси. – Ксения из последних сил боролась с новым приступом рвоты.

– Деточка, ну а чего ты ждала? – Бывшая свекровь присела на кровать и взяла ее за руку.

– Не знаю. Ждала чего-то. Я знаю все, что вы скажете.

– Ну хорошо, раз ты все знаешь, давай я тебя хотя бы повеселю. У меня была удивительная свекровь. Я тебе про нее не рассказывала? Думаю, нет. Просто потрясающая женщина. У нее всегда все было плохо. Просто беспросветно. И никакая сила в мире не могла ее переубедить. Если сегодня хорошо, то это случайность. Завтра точно будет плохо. А послезавтра – еще хуже. Вот у нее точно была депрессия. Причем многолетняя. Если у нее случался насморк, она ждала смерти. Если ее дети шли гулять, воображение немедленно рисовало несчастный случай. Когда ее ожидания худшего оправдывались, она была просто счастлива и объявляла: «Я так и знала, даже не удивлена». Себе она прогнозировала раннюю смерть, хотя дожила до девяносто двух лет. Она всегда радовалась плохому. Особенно трагедиям. Если я смеялась, свекровь говорила, что если кто-то смеется, то точно – к слезам. Если сегодня светило солнце, то это наверняка к завтрашнему падению давления и погодным катаклизмам. Я ни разу не видела ее улыбающейся. Она никогда не смеялась. И ты знаешь, такая готовность к неприятностям давала ей силы жить. Ее ничто не могло выбить из колеи – она была готова ко всему. Так вот у нее была присказка: «Хаим, выйди из машины». Она часто ее повторяла. Если дети о чем-то мечтали, пусть даже о велосипеде, если строили планы, на что-то надеялись, она всегда твердила: «Хаим, выйди из машины». Это из старого анекдота, когда еврей мечтает, как он купит машину, как он поедет на рынок, как свозит жену к морю... И жена ему говорит: «Хаим, выйди

из машины». Знаешь, с годами я стала все чаще вспоминать эту присказку. И тебе советую: как только начнешь что-то себе представлять, скажи: «Хаим, выйди из машины», – и станет легче.

Наверное, после разговора со свекровью Ксения окончательно запретила себе всерьез на что-либо реагировать. Ради собственного здоровья – физического и психического. Ксения отдавала себе в этом отчет. Если она начинала плакать, то все заканчивалось настоящей истерикой – она не могла остановиться. Малейшее переживание – и у нее случался астматический приступ. Она задыхалась. К психиатру она сходила, тот прописал антидепрессанты. Но от таблеток Ксения отказалась – не могла работать. Перед глазами плыла белая пелена – так бывает, если смотреть в иллюминатор в самолете, который залетает в облако. Ей нравилось смотреть на облака, сидеть в этом самолете. Но она не могла себе этого позволить. Нужно было возвращаться на твердую землю – ради Кирилла, ради Дины Самуиловны, ради самой себя, в конце концов.

Особенно тяжело было по утрам, в предрассветные часы. Ксения просыпалась часов в пять-шесть и проговаривала все, что хотела высказать Алику. Именно в эти часы у нее зрели планы переезда в другой город, она мечтала о переменах, о том, как бы отомстить бывшему мужу. Она выпивала таблетку снотворного, проваливалась в сон, больше похожий на кому, и просыпалась уже в одиннадцатом часу – дурная, голодная и злая. Утренние мысли и планы она не могла вспомнить, оставалось только гадкое ощущение. Ксения жарила яичницу и заставляла себя ее съесть, чтобы не курить натошак. Ее тут же выворачивало. Вот тогда-то она и стала себе повторять: «Хаим, выйди из машины». И это действовало лучше таблеток.

Алик продолжал ей звонить. Иногда, вернувшись с работы, она замечала, что он приезжал – выпил кофе, оставил грязную чашку. Ксения оставалась спокойной. Кирилл, как всегда, отмалчивался. Может, ей стало бы легче, если бы она поговорила с сыном. И было бы легче, если бы она хоть с кем-нибудь могла поговорить об Алике. Она даже сделала попытку, приехала к Дине Самуиловне.

– Ваша присказка действует.

– Это глупость, – спокойно ответила свекровь.

– Знаете, что я часто вспоминаю? Когда мы были студентами, зачитывались Левитанским. И мы с Аликом считали, что его стихотворение «Каждый выбирает для себя» про нас. Помните? «Каждый выбирает для себя – женщину, религию, дорогу». И вторая строфа: «Каждый выбирает по себе – слово для любви и для молитвы». Теперь я переставляю слова. Алик выбрал женщину, религию, дорогу не для себя, а по себе.

– Тебе просто обидно. Это я понимаю. Обида – очень сильное чувство. Умение прощать – глупость. Иногда невозможно простить. Я своего мужа так и не простила. И что? Мне от этого плохо? Нет. В эту муру – если простить, то станет легче – я не верю. Да и ты тоже, как мне кажется.

– Да. Мне обидно. До слез. Как в детстве, когда у меня Славик в детском саду отобрал любимую лопатку, когда Лизка списала диктант, а мне поставили двойку, а ей – пять. Обидно, да. Ужасно, что я все это помню. Как мне все забыть? Я же прокручиваю в голове каждый день нашей жизни с Аликом. Все думаю, что было не так? Откуда взялась эта Карина?

– Тебе было бы легче, если бы вы не развелись, а он бы тебе изменял?

– Нет. Просто так нельзя. Понимаете? Нельзя. Он мог бы мне спокойно сказать, что все. Есть Карина. Зачем было все это? Зачем он тогда возвращался после развода с Верой?

– Он о тебе не думал.

– Да, я знаю.

– Тогда зачем ты о нем думаешь? Успокойся и найди себе занятие, чтобы отвлечься. Вот моя соседка начала рисовать – картины по цифрам. Продаются готовые наборы уже с красками. Ты закрашиваешь – и получается картина. Попробуй. Котики, цветы, мадонна с младенцем.

– Бред какой-то.

– Ну тогда вяжи носки. Или выкладывай мозаику. Или уйди в работу с головой.

– А вы что делали?

– Пекла песочное печенье. Килограммами.

– Я не хочу вязать носки и печь печенье.

– Знаю.

– Мне больно. Просто больно. Если я ему скажу об этом, он не поймет. Зачем тогда было возвращаться, жить? Зачем все это? В тот день, когда он к Карине ушел, я ужин приготовила. Зачем я готовила этот дурацкий ужин? Я его ждала. Почему нельзя было написать два слова? Хотя бы просто позвонил и сказал: «Прости». Он ушел и не отвечал на звонки. Мы же вроде бы с ним друзья, как он говорил. Тогда почему не поговорить? Не объяснить?

– Он может быть жестоким, как все мужчины. И да, мой сын – редкий эгоист. Ты права – он не поймет твоих претензий.

– Как мне теперь с ним общаться? Опять понимать, принимать, жалеть? Дружить с его новой женой? Что мне делать?

– Я не знаю, детка. Не знаю.

* * *

Получалось, что Алик бросил ее дважды. Она его ненавидела. Кирилл любил отца. Алик любил Кирилла. Они виделись. Ксения не зависела материально от бывшего мужа, сын уже не был младенцем. Алик был прошлым, которое всегда о себе напоминает, всегда дает о себе знать. Ксения училась с этим жить, но так и не выучила урок. Боль не уходила. Особенно остро она проявлялась в те самые предрассветные часы, когда она смотрела в потолок, вспоминала себя с Аликом. Прокручивала в голове их разговоры, фильмы, которые они вместе смотрели. Но наваливалась обида, тяжелая, жестокая, раздирающая нутро. Они ведь так и не поговорили тогда. Алик пропал, как пропадает любовник.

«Я этого хотела, я об этом мечтала. Его нет. Он не звонит, не пишет, не приезжает. Все. Это конец, – говорила себе Ксения. – Опять я оказалась душой».

Да, это было особенно тяжело. Ксения считала, что ее уже ничто не может задеть или обидеть. Когда они развелись и Алик ушел к Вере, Ксении не было настолько больно, как сейчас. Повторное предательство ее подкосило. Она не понимала почему. Почему именно сейчас так больно – ведь история уже знакома до деталей.

Карину она тогда еще не видела. То, что новую пассию Алика зовут Кариной, она узнала от Дины Самуиловны.

– И какая она? – спросила Ксения.

– Откуда мне знать? Я ее не видела, – ответила бывшая свекровь.

– Алик предлагал вам познакомиться?

– Предлагал, но я отказалась.

– Значит, у них все серьезно?

– Откуда мне знать? Я не вникала. – Дина Самуиловна ударила ложечкой о стенку чашки, размешивая сахар, что с ней случилось в моменты расстройства.

– Ну хоть вы мне скажите! – расплакалась Ксения. – Не у Кирилла же мне спрашивать!

– Детка, что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? – Дина Самуиловна отодвинула чашку. Чай расплескался на блюде.

– Что у нее есть, чего нет у меня?

– Молодость. Она его младше на двадцать лет.

– И что? – закричала Ксения. – Это особое достоинство? С каких пор?

– С тех пор, когда мужчина начинает чувствовать, что стареет. И ему становится нужна женщина, которая будет смотреть на него снизу вверх.

– То есть Алику понадобилась молодая дурочка?

– Не только Алику. Всем мужчинам рано или поздно хочется иметь рядом с собой молодую дурочку. Правда, не все на них женятся. Мой сын в этом смысле исключение из правил.

– Кирилл ее уже видел?

– Да.

– Значит, Алик с ней уже давно?

– По меркам Алика – давно.

– Все то время, что он жил со мной?

– Не все. Последние два месяца.

– Не может быть. Я не верю. У нас все было хорошо! Он меня любил. Я это чувствовала. Он хотел остаться!

– Да, дорогая, так и было. Просто тебя он любит по-другому.

– Как это?

– Ну как меня, например. Ты для него такая же константа, как мама, как сын. Ты все равно останешься. Не представляешь никакого интереса.

Ксения ничего не понимала. Прокручивала в голове все слова, события, прогулки, гостей. Ничего. Никакой подсказки, никакого недопонимания. Алик был с ней. Он не мог быть с другой. Она его тогда чувствовала, как никогда. Она даже старалась ему угодить – бежала домой с работы, смешила рассказами. Им было хорошо. Она видела, чувствовала, что Алику хорошо. Они были семьей, настоящей. Тогда откуда взялась эта Карина?

Почему он тогда ей ничего не сказал? Не был уверен, что с Кариной все сложится?

И тут ее как дернуло. На двадцать лет моложе. На двадцать. Молодость всегда привлекательна. Даже по утрам. Молодость легка, обманчива, наивна. Молодость не болеет и всегда на все готова. Она глупа и эгоистична, зависима и свободна одновременно.

Ксения получила под дых. Она не помнила, как вышла из квартиры Дины Самуиловны, как доехала до дома. Не помнила, что было дальше. Когда очнулась, увидела над собой лицо мужчины, того самого врача, который поставил ей диагноз «мигрень».

– Я умерла? – спросила она.

– Нет. Но вы будете пить таблетки. Я выпишу рецепт.

– Мне больно. Очень болит голова. Нет, не голова, спина. И ноги тоже болят. Руки. У меня болит все тело. – Ксения дотронулась до головы. Нащупала слипшийся комочек волос. На пальцах осталась кровь.

– Что это?

– Вы упали в обморок. Ударились. Спина болеть будет – вы упали на стул.

– Это как в кино? Когда герой падает и ударяется виском об угол стола и умирает?

– Смешно. Но у вас свое кино. Так что начинайте пить таблетки и дойдите хотя бы до невролога. Я напишу телефон.

– Это пройдет. Я знаю, из-за чего. Надо ведь найти причину? Я ее знаю. Если исключу, то все будет хорошо. Правда ведь?

– Вы давно не спите?

– Давно. Но ничего страшного. Я отсыпаюсь в выходные.

Врач уехал, даже не сказав «До свидания, поправляйтесь».

Ксения отвернулась к стенке и заплакала.

А потом начала просто жить. Работала, встречалась с подругами, один раз испекла песочное печенье. Получились подгорелые лепешки. Купила набор – роспись картины по цифрам, расписала лепесток мака и бросила, надоело.

Ксения каждый день ждала звонка Алика. Но на сей раз пауза оказалась длиннее предыдущих. Ей ничего не мешало позвонить самой, она брала телефон и заставляла себя не звонить. Показать ему, что обижена, прекрасно понимая, что Алик и не заметит, что она не выходит на

связь. Ксении даже удалось уговорить себя – если Алик позвонит, она не ответит. Не возьмет трубку. И не перезвонит, как делала это всегда.

Алик позвонил в тот момент, когда она перестала ждать. Так случалось всегда. Стоило ей успокоиться, прийти в себя, как Алик сваливался ей на голову. Он приглашал ее на свадьбу.

– Ты совсем не в себе? – Ксения ожидала чего угодно, но не приглашения на свадьбу. Она от такой наглости и беспардонности даже забыла все, что собиралась ему сказать.

– Да ладно тебе, не злись. Приходи, поболтаем, – как ни в чем не бывало сказал Алик.

– Что мы сделаем на твоей свадьбе? Поболтаем? – Ксения чувствовала, что в голове начинают происходить взрывы. Затылок казался чугунным.

– Ну ладно тебе, Ксю. Не дуйся. Ну что я должен был тебе сказать?

– Хотя бы банальное «прости».

– Ну прости. Придешь?

– Нет.

– Ладно. Слушай, я заеду, заберу пару книг? Очень нужно.

– Ты даже не эгоист. Ты просто клинический эгоцентрик. Ты хоть помнишь, что я живая? Я дышу, хожу. У тебя чувство жалости к близким сохранилось?

Ксения бросила трубку. У нее тряслись руки. Она выпила сразу две таблетки, которые прописал невропатолог, и проспала два дня. Приходила в себя, что-то ела и снова засыпала.

Кирилл присутствовал на свадьбе отца.

– Ну и как все прошло? – спросила Ксения скорее из вежливости.

– Нормально, – ответил сын.

Тогда Ксения решила, что если у Алика нормально, то и у нее будет нормально. Нормальнее не придумаешь.

Но последовать совету Дины Самуиловны завести любовника оказалось для Ксении не так просто. Она не хотела никого «заводить». Мужчина ведь не собака и не кошка и даже не попугайчик. Ей хотелось, чтобы все было по-другому. Спокойный, красивый роман. Желательно длительный. Желательно счастливый. Чтобы любили ее, а не она рвала сердце. Кроме того, подходящих кандидатур в ее окружении не наблюдалось.

– Господи, неужели это такая проблема? – удивлялась Дина Самуиловна. – Даже в наше время мы как-то справлялись! А сейчас такие возможности!

– Вы хотите, чтобы я искала на сайте знакомств. Или вышла на улицу и крикнула: «Мне срочно нужен любовник»?

– Ну я не знаю... Может, стоит посмотреть по сторонам?

По сторонам удалось посмотреть уже на следующей неделе – Ксения уехала в командировку, где встретила Дениса – коллегу, который работал в дружественной фирме, и они часто сталкивались в таких командировках – организовывали семинары. Денис давно пытался привлечь ее внимание, шутил, угощал кофе, но Ксения как-то не распознавала знаки внимания. Тем более про Дениса ходили слухи: он чуть ли не герой-любовник, от него сходят с ума все женщины, еще не вышедшие из возраста, в котором позволительно сходить с ума. А героилубовники Ксению не интересовали. Да, Денис был милым, не без чувства юмора, интересным собеседником. Во время завтраков с коллегами она невольно узнавала сплетни – Денис женился и развелся. Но жена сама ушла, так что путь свободен. Появилась пассия, но это явно ненадолго. Потом он получил повышение, опять же, по слухам, не без помощи влиятельной дамы из руководства. Вот в последнюю сплетню Ксения верила – амбиций Денис не скрывал, впрочем, как и тщеславия.

Был долгий день, и вечером они вместе пошли ужинать. Ксения выпила лишнего и, как и советовала бывшая свекровь, посмотрела на Дениса другими глазами. Взгляд уже стал не сильно трезвый, поэтому коллега показался ей даже привлекательным. Вокруг него все время вились девушки – молодые, на каблукчах, юбки-футляры, декольте, пусть не глубокие, но с

намеком. Однако Денис в тот день не отходил от Ксении. И ночь они провели в его номере. Утром, занимаясь подготовкой к конференции, Ксения вспоминала вечер и ночь. Да, Денис, безусловно милый. Пытался ее рассмешить. У них даже общие темы нашлись. Он не был дураком – напротив, умный парень. Ксении он признался, что тяжело пережил развод – жену любил и никак не ожидал, что та уйдет. Разошлись быстро – детей завести не успели, нажить совместного имущества тоже. Так что без проблем. Он говорил, что давно мечтал хотя бы поговорить с Ксенией. Ему не хватало понимания, когда говоришь на одном языке, когда не нужно объяснять, из какого фильма цитата. Он придумывал тысячу проектов, которые они могли бы совместно провести. Говорил искренне. Ксения ему верила. Не потому, что была пьяна, а потому, что чувствовала – Денис не врет. Она ему нравится. Он ею восхищается – как женщиной, как профессионалом.

В постели, правда, Денис оказался совсем не героем. Так себе герой. Ксения решила, что дальше, возможно, будет лучше. Хотя и удивления не могла скрыть – откуда тогда слухи про разбитые женские сердца? Денис, возможно, и способен был разбивать их десятками, но уж точно другим способом. Конечно, ей льстило его внимание, как и любой женщине. Она давно забыла, что такое флирт и как реагировать на слова мужчины, что она удивительная красавица.

Утром она Дениса не видела, ни за завтраком, ни потом – в конференц-зале. Закрутилась сама и выползла в вестибюль выпить кофе. В баре она увидела Дениса, который обнимал за талию молоденькую девушку из числа младших сотрудников. Девушка хохотала и демонстрировала декольте. Ксения вернулась в конференц-зал, решив, что ей почудилось и ничего такого она не увидела. Конференция, слава богу, прошла успешно. Никаких срывов, хотя Ксения была не в себе – делала все на автомате. Но начальство отметило отличную организацию и пообещало премию.

На вечер был запланирован общий ужин в банкетном зале. Ксения увидела Дениса. Он сидел с той самой девушкой, совсем молоденькой, обнимал ее за талию. С ужина они ушли вместе. К Ксении Денис так и не подошел.

Ксения уехала в Москву поздно вечером.

– Вам нехорошо? – спросил водитель.

– Да, что-то тошнит. – Она открыла окно.

– Погода меняется. Давление, наверное. Завтра потепление обещают, – сказал водитель.

Ксения думала, что сильнее, чем Алик, ее никто не сможет обидеть. А этот пшик, пустышка, мужчина на ночь, так себе любовник задел ее за живое. Алик все-таки был родным человеком, которого рано или поздно прощают. Этот Денис обидел ее как женщину. Или просто наложилось одно на другое, и Ксения отреагировала приступом.

Утром она проснулась от звонка Дины Самуиловны.

– Ты ко мне не приехала! – объявила бывшая свекровь.

– Да, простите, ночью в Москву вернулась. – Ксения расплакалась.

– Ну и что случилось?

– Ничего. Кроме того, что мне за сорок, я только почувствовала себя умной взрослой женщиной. И нашелся тот, кто быстро объяснил мне, что я дура. Как была, так и осталась.

– Тогда остаются варезки или вышивание крестиком, – хохотнула бывшая свекровь.

– Дина Самуиловна, хоть вы меня не добивайте!

– Прости, детка, хотела пошутить. Неудачно. Отдыхай. Если будет совсем невмоготу, приезжай.

Ксения заставила себя выползти из кровати и поехала к бывшей свекрови, которая тут же, с порога, объявила новость – Карина беременна.

– Поздравляю, вы станете бабушкой, – на автомате ответила Ксения.

– Так, давай я тебе кофе сварю. И я уже бабушка, если ты забыла. Дважды.

– Я не хочу говорить о Карине и ее беременности. Я вообще ни о чем не хочу говорить.

– Хорошо, тогда иди поспи.

Диван в комнате Дины Самуиловны всегда оказывал на Ксению какое-то удивительное действие. Стоило ей только на него присесть, как она тут же проваливалась в глубокий сон. Так было, когда Кирюша был еще маленьким. Ксения, чтобы отоспаться, приезжала к свекрови, отдавала ей сына и падала на этот диванчик, узкий и короткий – даже ноги не вытянешь. Но ни на какой другой кровати она не высыпалась, как на этом диванчике. Так было и сейчас. Ксения легла и тут же уснула. Проснулась и побежала в туалет. Ей было плохо. Она не хотела, чтобы свекровь видела ее в таком состоянии, и не рассказывала ей про мигрени.

– Почему ты мне не сказала? – кричала, стоя под дверью туалета, Дина Самуиловна. – Я должна была знать! Кому мне звонить?

– Сергей. Пусть приедет ко мне, он знает адрес. Он врач. Телефон у меня в сумке, – говорила Ксения между приступами рвоты. – И вызовите мне такси.

– Я его вызову сюда!

– Нет, пожалуйста. Я хочу домой. Я вас обязательно познакомлю. Обещаю.

* * *

Ей было уже сорок два. Сергею – пятьдесят два. Вдовец. Взрослый сын, живущий в другой стране. Он хотел свадьбы. Ксения готова была согласиться. Сергей – тот самый врач, который поставил верный диагноз. И тот самый врач, с которым не нужно было разговаривать. Он и так все понимал, без слов. Юбки-карандаш и декольте ему тоже были не нужны – он видел Ксению в халате, в полуобморочном состоянии, в обнимку с ведром. Он делал ей укол в тот момент, когда она лежала головой в унитазе – ее уже не рвало, просто не хватало сил подняться. Он знал про Кирилла, который вызвал «Скорую», а потом уже, когда обмороки повторялись, звонил сразу Сергею. Он знал про Алика. Только про Дениса Ксения ему не рассказала. В тот раз, когда Ксения вернулась от бывшей свекрови и все-таки свалилась с приступом, Сергей узнал, где у нее хранятся чай, где сахар. Он подобрал валявшийся на полу лифчик. Уехал и приехал снова. Ксения открывала глаза и видела Сергея – он спал в кресле. Она опять закрывала глаза и засыпала. Однажды у нее случилась истерика – она плакала, кричала. Сергей лег рядом, успокаивал. Успокоил.

Она жила на два дома – между Кириллом и Сергеем. В собственной квартире она появлялась все реже – сварить суп, нажарить котлет, забить холодильник йогуртами. Иногда натыкалась в коридоре на розовый велосипед, обнаруживала новый гель для душа в ванной. Кажется, у Кирилла была Лиза, потом вроде бы Саша или Катя. Ксения спокойно реагировала на девушек сына – пусть нагуляется, поймет, что ему нужно. Только не ранний брак, как у нее с его отцом. Она старалась не мешать Кириллу. У Сергея, который жил за городом, ей было хорошо. Она куталась в плед и выходила в сад – покурить, выпить кофе. Ей было спокойно. Голова не болела ни утром, ни вечером. Если бы не необходимость ходить на работу, Ксения бы и не уезжала. Ей нравилось так жить – читать, сидеть в саду, пить кофе, что-то готовить. Не бежать, не спешить, не рваться. Сергей уезжал, и она оставалась одна, но это одиночество было другим. По ощущениям, по чувствам. Она знала, что Сергей вернется, и ждала его. На работе взяла отпуск и наслаждалась простым, обычным счастьем. Ждать кого-то с работы, жарить к ужину мясо на мангале, пересматривать библиотеку, которую собирали еще бабушки и дедушки. Ксения проваливалась в старый диван, укрывалась пледом и перечитывала Фейхтвангера, Фицджеральда, Бальзака. Наткнулась на книгу по домоводству советских времен. Внутри оказались трогательные записки – на четвертинках листа в клетку. Рецепт лимонного пирога. Памятка, как выводить пятна с одежды. Состав для мытья окон без разводов. Рецепт пирога с корицей. Ксения зачиталась и решила непременно приготовить пирог по найденному рецепту.

– Очень вкусно, – сказал Сергей.

Ксения ковырнула вилкой кусочек – есть было невозможно. Сода скрипела на зубах.

– Я не виновата. Все делала по рецепту. Кстати, кто записывал? Твоя бабушка? Мама?

– Мачеха. Ее почерк.

Ксения чуть не поперхнулась чаем.

– Мачеха? У тебя была мачеха?

– Да, кстати, мы с ней очень дружили.

– И ты не ревновал? А твоя мама?

– Мама устраивала свою жизнь.

– Я думала, у тебя благополучная семья...

– Она и была такой. Очень благополучной. Мачеха меня любила как родного сына.

– А у нее были дети?

– Нет. Она не могла родить. Сейчас смогла бы. Медицина не стоит на месте. Тогда – приговор.

– Прости, я думала, это рецепт бабушки. Хотела тебя порадовать.

– Не переживай, у нее этот пирог тоже никогда не получался.

– И для тебя не было ударом, что отец снова женился?

– Нет. Ты за своего сына переживаешь? Не стоит. Он нормальный парень.

Однажды Ксения вернулась домой от Сергея, сварила борщ, нажарила котлет и сырников и только после этого почувствовала, что она в квартире одна. Глобально одна. Будто часть квартирной души испарилась. Ксения побежала в комнату сына, увидела разбросанные вещи. Шкаф был пуст. Обувь, куртки – ничего.

– Кирюш, ты дома? Кирюш! – позвала она сына, хотя уже поняла, что его нет. Совсем нет. Ксения почувствовала, как в голове, в правом виске начали взрываться маленькие бомбочки.

Она взяла телефон и написала сообщение: «Кирюш, ты где?»

Кирилл не ответил. И тогда, впервые за все годы, Ксения позвонила Алику.

– Ты не знаешь, где Кирилл?

– Знаю. Странно, что ты, его мать, не в курсе, – хохотнул Алик.

– Просто скажи, где он, – попросила Ксения, выдохнув, вдохнув, чувствуя, что начинается приступ.

– У Кати.

– Какой Кати?

– Слышь, мать, ты чего? – Алик расхохотался. – Между прочим, Катя – твоя будущая невестка.

– Кто? – У Ксении поплыло перед глазами, как в юности после бурной ночи. Люстра крутилась и крутилась. Она опустилась на пол.

– Катя. Кирилл у нее уже полгода живет. Она, кстати, вполне. Такая миленькая блондиночка. Симпатичная. Ничего особенного, конечно.

– А ты откуда знаешь? – выдавила из себя Ксения. Приступ начался. Она стала задыхаться. Хотела вдохнуть поглубже и не получалось. Ее зазнобило. Она рванула с вешалки куртку и укрылась. Подняться с пола уже не хватало сил.

– Так Кирилл нас познакомил. Он сказал, что ты не в Москве, не можешь приехать. Ну, и пришлось мне... так сказать... от семьи выступать. Карине Катя понравилась, – весело докладывал Алик.

– Карине? – Ксения поняла, что сейчас потеряет сознание. Она уже ничего не понимала. Карина – третья жена ее мужа. Какое отношение она имеет к этой... как ее... Кате?

– Ну да, – продолжал рассказывать Алик, – встретились в ресторане, посидели, все нормально, а что? Я думал, ты в курсе.

– В курсе чего?

– Мать, ты пьяная или что? Голос у тебя странный какой-то. Все нормально? Как твоя конференция? – Алик сменил хихиканье на озабоченный тон.

– Не пьяная, но мне нехорошо. Конференция? Какая?

– Слушай, ты там это... поспи, кофе выпей. Прости, меня Карина ужинать зовет. Если что – денег я Кириллу дал. Там все тихо, мирно, они распишутся и уедут. То ли в Париж, то ли в Прагу.

– Да, конечно, а как Дина Самуиловна? – спросила Ксения. У нее уже не просто люстра на карусели крутилась, а шкафы хороводы водили. Париж, Прага, свадьба? Что случилось? Она сошла с ума? Только поэтому Ксения спросила про Дину Самуиловну. Бывшая свекровь была якорем ее жизни, на нее не влияли ни годы, ни события. Даже если бы случился конец света, Дина Самуиловна бы выжила – с укладкой и идеальным маникюром. Ксения сомневалась в собственном рассудке и рассчитывала на помощь бывшей свекрови.

– Нормально, как всегда, – ответил Алик.

– Она видела эту... Катю? – уточнила Ксения.

– Нет, не захотела. Но Кирилл и не настаивал, – признался Алик.

– Жаль, возможно, тогда никакой Кати и не случилось бы.

* * *

Поначалу Дина Самуиловна была для Ксении чудовищной свекровью. Конечно, Ксения считалась недостойной ее Алика. Конечно, Дина Самуиловна мечтала о другой невестке. И, конечно, надеялась, что Алик образумится, получит опыт в первом «крайне неудачном» браке, что подчеркивала свекровь при каждом удобном и неудобном случае, и женится уже «как положено». Когда они развелись, Дина Самуиловна заламывала руки.

– Разве вы не этого хотели? – удивилась Ксения. – У вас будет новая невестка.

– Зачем мне новая? Мне не нужна новая! Я с ней не справлюсь! – чуть не плакала свекровь.

И оказалась права. Вторая жена Алика, Вера, Дину Самуиловну держала на расстоянии. К мужу и новорожденной дочке не подпускала.

– Ксения, ты занята? Ты знаешь, что *она* мне сказала? Она мне хамит! И я не могу позволить до Алика! – говорила Дина Самуиловна своей первой невестке.

– Да, Дина Самуиловна, что у вас случилось? Как вы себя чувствуете? – покорно интересовалась Ксения.

– Девочка, ну повлияй как-нибудь на Алика. Он же тебе не чужой человек! Ты всегда мне казалась очень умной и сообразительной! Ну открой ему глаза на эту его страсть!

– Дина Самуиловна, я не могу. Эта страсть – его новая жена. А я – бывшая.

– Зато бывших свекровей и бывших детей не бывает.

И здесь тоже свекровь оказалась права. В результате именно Ксения приезжала к Дине Самуиловне раз в неделю и пила чай на кухне. Ксения стала связующим звеном между Аликом и его матерью, поскольку Дина Самуиловна иногда отказывалась разговаривать с сыном.

Когда они расстались с Аликом, когда прошло время, Ксения стала восхищаться свекровью. Дина Самуиловна умела удивить. Ксении всегда казалось, что свекровь равнодушна к внукам. Ну они есть где-то далеко, и хорошо, что далеко. Кирилл общался с бабушкой только потому, что на этом настаивала Ксения.

– Позвони бабушке, – просила она сына.

– Зачем?

– Спроси, как она себя чувствует. Ей будет приятно твое внимание.

– Не будет. Ей все равно.

– Звони.

Кирилл с тяжелым вздохом набирал номер и что-то мычал в трубку. Дина Самуиловна тут же перезванивала Ксении.

– Кирилл мне звонил. Я так и не поняла, что он хотел.

– Ничего. Просто так.

– Но ведь это странно. Мальчику десять (двенадцать, четырнадцать, шестнадцать) лет, он не должен звонить своей бабушке «просто так». Он должен звонить друзьям или барышням.

– Он хотел сделать вам приятно.

– Он сделал мне нервы.

Дина Самуиловна, прекрасно владеющая литературным русским языком (знание которого, кстати, ценила в Ксении и незнание которого ставила в упрек остальным невесткам), иногда переходила на местечковый сленг. И тогда невозможно было понять – шутит она или говорит всерьез.

– Ксения, я скажу тебе за твою рыбу! – вдруг говорила Дина Самуиловна, когда Ксения приезжала к бывшей свекрови и готовила рыбу на пару. – Это не рыба! Ты видела ее глаза, когда потрошила? Она умерла еще до моего рождения! Как ты ее вообще купила? Или ты меня так любишь, чтобы уже накормить этой рыбой? Как женщина я тебя понимаю – я бы себя тоже отравила. Но скажи этому продавцу на рынке, который тебе продал рыбу, что Дина Самуиловна пожелала ему здоровья!

– Не надо заставлять мальчика мне звонить, – твердила Дина Самуиловна Ксении – Я не такая наивная, к сожалению.

– Я буду его заставлять вам звонить. И мы приедем в воскресенье, – отвечала Ксения. – Это нужно ему. Он должен знать, что у него есть семья.

– Хорошо, тогда мне придется вставать к плите и жарить пирожки. И я буду уставшая как собака. А Кирилл устает в свой телефон с видом идиота. (Дина Самуиловна говорила именно так – «идиот»). А если чего-то не слышала, то, переспрашивая, говорила не «что?», а «как?». Ксения тоже стала переспрашивать вслед за ней – «как?».) И мне будет неприятно, потому что я не понимаю, что он там такое видит, что не может поддержать разговор. Разве мальчик не из приличной семьи?

– Дина Самуиловна, они другие. Воспитанные дети вынимают из уха один наушник. Кирилл ради вас вынимает даже оба, – шутила Ксения.

– Все равно, мне от вас лишние хлопоты. Я буду мыть после вас посуду, – бурчала Дина Самуиловна.

Ксения знала, что бывшая свекровь не только нажарит пирожков, но еще и борща наварит, пельменей налепит и заморозит и все выдаст «с собой». Она очень любила Кирилла, и для нее эти воскресные обеды были важны. И она только делала вид, что ее не волнует внучка. Алиса стала ее непроходящей болью.

Девочка была слишком мала, чтобы помнить бабушку. И, конечно, она не могла ей позвонить. Но и Вера после развода с Аликом вычеркнула бывшую свекровь из своей жизни. У нее имелась новая свекровь. Зачем ей бывшая?

– Знаешь, что обидно? – говорила Дина Самуиловна Ксении. – У девочки не останется родовой памяти. Она же даже не узнает про своих кровных родственников. Если девочка начнет рисовать, кто ей объяснит, откуда этот талант взялся? Она может начать петь, ты же в курсе, что моя мама была оперной певицей? Знаешь, за что я зла на своего сына? Он ни одной из своих жен не рассказал о нашей семье. Ни обо мне, ни о своих бабках и дедах.

– Мне рассказывал.

– Тебе я все рассказала, потому что ты спрашивала. И ты рассказываешь Кириллу. А Алиса станет – уже стала – чужой девочкой. Ей будет сложно, если она не пойдет в свою мать.

– Может, подрастет и станет задавать вопросы.

– Может, и станет. Или нет. Но меня к тому моменту в живых уже не будет. И к кому она обратится? К тебе? Вряд ли.

– Ну, Кирилл совсем не похож на Алика, я имею в виду по внутреннему устройству. И на вас не очень похож, к сожалению. Да и от меня он мало взял. Никаких особых талантов я за ним не замечала.

– Кирилл похож на родную сестру моего мужа. Просто копия. Она тоже была такой – ведомой и мягкой. Вечно ныла и на жизнь жаловалась. Кирилл не ноет, но, судя по тому, что ты рассказываешь и что я вижу – он – копия Стэллы. Ты можешь себе такое представить? Девочку назвали Сталиной! Потом она переименовала себя в Стэллу. Потом требовала называть себя Линой. У нее вся жизнь так прошла – ни имени, ни дома, ни детей, ни мужа.

– И что мне теперь делать с этим знанием? Кирилл тоже не будет счастлив в жизни?

– Не знаю, детка. Просто прими это к сведению. Его позовут – он пойдет. Его выгонят – он уйдет. И у него все кругом будут виноваты.

– Или он найдет себе женщину, которая окажется сильнее и умнее. Так тоже бывает.

– Да, – рассмеялась Дина Самуиловна, – ты оказалась и сильнее, и умнее Алика.

Ксения чувствовала, что бывшая свекровь хочет увидаться с Алисой. Хочет установить хоть невидимую, но связь. И предчувствия ее не обманули.

– Я хочу съездить к Вере и Алисе. Ты меня отвезешь? – позвонила свекровь.

– Почему я? – удивилась Ксения. – Алик с ними общается. У него вроде бы хорошие отношения с Геннадием.

– Не хочу Алика просить. Он не поймет.

– У меня даже телефона Веры нет! Надо же предупредить, что мы приедем! Вам когда удобно? На следующей неделе?

– Поехали сегодня. Ты забываешь, сколько мне лет. Я имею право на какие-то желания и капризы. Можешь считать, что мне приснился плохой сон, вещий, я вдруг решила повидаться с внучкой. Или ты едешь со мной, или я поеду сама. Вызови мне такси.

Ксении пришлось везти Дину Самуиловну на другой конец города, где жила Вера.

– Ксения, скажи мне честно, – показательно хваталась за сердце Дина Самуиловна, не без интереса разглядывая окрестности спального района, – мой сын – идиот? Я же как мать не могу оценить его состояние.

– Почему идиот?

– Потому что его дочь носит такое имя – Алиса, и ему за это не стыдно перед своими еврейскими родственниками!

– Дина Самуиловна, имя вашего внука – Кирилл – вам тоже никогда не нравилось, – напомнила Ксения.

– Да, но он мальчик! Мальчик может жить с любым именем! Но как девочка будет жить с таким именем? Кто же ее замуж возьмет?

– Вашего сына зовут Аликом, а не Давидом.

– Ты же знаешь, что это не мое решение, а моего покойного супруга. Он тогда впервые в жизни встал в позу и подал голос! Я так испугалась, что подумала, что заговорила моя тумбочка! Но он хотел Александра! Да, мне пришлось уступить, чтобы у него не открылась язва. У меня были обстоятельства! Мне пришлось выбирать – или язва, или имя! И что? Если бы я знала, что мой муж все равно умрет от язвы, я бы тогда сделала другой выбор! Ты все-таки родила мальчика, моего внука, и имела право его назвать как угодно. Но на имени для девочки мой сын мог настоять? Зачем ему дочь Алиса?

– Дина Самуиловна, ну какая разница?

Ксения не знала, чего ожидать. Они поднялись в загаженном лифте панельной девятиэтажки на такой же загаженный этаж. Дина Самуиловна улыбалась, Ксения шла первой по темному коридору и наткнулась на велосипед, стоявший в общем тамбуре.

– Твою ж мать, – выругалась она.

Вслед за велосипедом на нее упали санки, снегокат, пакет с обувью и еще что-то. Грохот стоял на всю площадку. Двери открылись, выглянули соседи.

– О, и даже не пришлось звонить! – услышала Ксения, которая выбиралась из-под завала, голос свекрови. – Ну, и где моя внучка?

– А это вы тут? Явились! Не позволю! – услышала Ксения голос другой женщины, судя по всему, Вериной матери, второй Алисиной бабушки. Ксения не знала, как ее звали. Помнила только, что она была откуда-то из-под Рязани, солила знатные огурцы и грибы и очень радовалась, когда ее дочь развелась с Аликом и вышла замуж за Геннадия.

Ксения просто замерла под велосипедом и санками.

– Господи, как же у вас душно! Откройте окна! – Дина Самуиловна, судя по всему, прошла в квартиру. Соседи выползли на лестничную клетку и слушали во все уши. Кто-то помог Ксении выбраться, и она пошла вслед за свекровью.

– А вы кто? – спросила ее соседка.

– Э...

– Я бабушка Алисы, меня зовут Дина Самуиловна, а это моя бывшая невестка. Она будет меня сюда привозить, – крикнула из квартиры Дина Самуиловна.

Мать Веры чуть ли не затолкала Ксению в квартиру и закрыла дверь.

– Вы это чего? – зашипела она. – Я щас милицию вызову.

– Вызывай, – отозвалась Дина Самуиловна. – Ксения, окна открой.

Ксения пошла открывать окна.

Дина Самуиловна прошествовала в ванную, где долго мыла руки.

– Каким полотенцем мне можно воспользоваться? Или брать туалетную бумагу? – спросила Дина Самуиловна.

– Вот, сбоку, – ответила мать Веры.

– О, какая прелесть! Тут даже печать больничная стоит. Где вы его взяли? Ксения, принеси мне очки, я не вижу! Больница номер... Ну естественно... Вы там кто, терапевт? Я помню конфеты от пациентов, которые вы мне дарили на Новый год и на Восьмое марта. Надеюсь, запасы закончились? Вы, кажется, ушли на пенсию? И полотенчико прихватили? Может, и постельное белье? Ну и где ребенок? – Дина Самуиловна вышла из ванной, стряхивая капли с рук.

– Спит она, – буркнула сватья.

Дина Самуиловна зашла в комнату и увидела спящую в кроватке девочку.

– Одеяло уברי. Ребенок потный. И полы тут помой, – шепотом сказала она сватье.

Та аж задохнулась от возмущения.

– У тебя тут срач и духота, – продолжила Дина Самуиловна. – Будешь мешать, я в органы опеки позвоню. Поняла? Я стану приезжать сюда, когда захочу. Это понятно? У меня есть деньги и связи, так что не стоит со мной связываться. А если дверь не откроешь, так я ее выломаю. А соседи мне помогут. У моей невестки – первой, – Дина Самуиловна кивнула на Ксению, – новый муж – прокурор. Ну это так, на крайний случай. Ты меня поняла?

Дина Самуиловна говорила все это, стоя над детской кроваткой. Говорила тихо, но настолько зло, что даже Ксения испугалась. Она никогда не видела свекровь такой.

Сватья молчала.

– Ксения, тут надо помыть полы. И пыль вытереть.

Следующий час Ксения мыла полы и вытирала пыль. Проветривала, собирала в мусорные пакеты хлам, на который ей указывала бывшая свекровь. Ксения двигала мебель, выгребала пыльные хлопья из-под кровати, протирала ножки стульев. Через час квартира сияла чистой, а Ксении хотелось застрелиться. Все это время Дина Самуиловна ходила по квартире и показывала пальцем – что выбросить, где помыть. Ее сватья скрылась на кухне.

Дина Самуиловна вышла из квартиры. Ксения шла следом. Они молча сели в машину и поехали назад.

– Дина Самуиловна...

– Не надо. Не хочу говорить. Что-то у меня сердце... Перенервничала. Спать сейчас лягу. Ты домой поезжай. И спасибо. Моему сыну ничего не говори.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.